

МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Тюрюканова Е. В., к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, директор Центра миграционных исследований

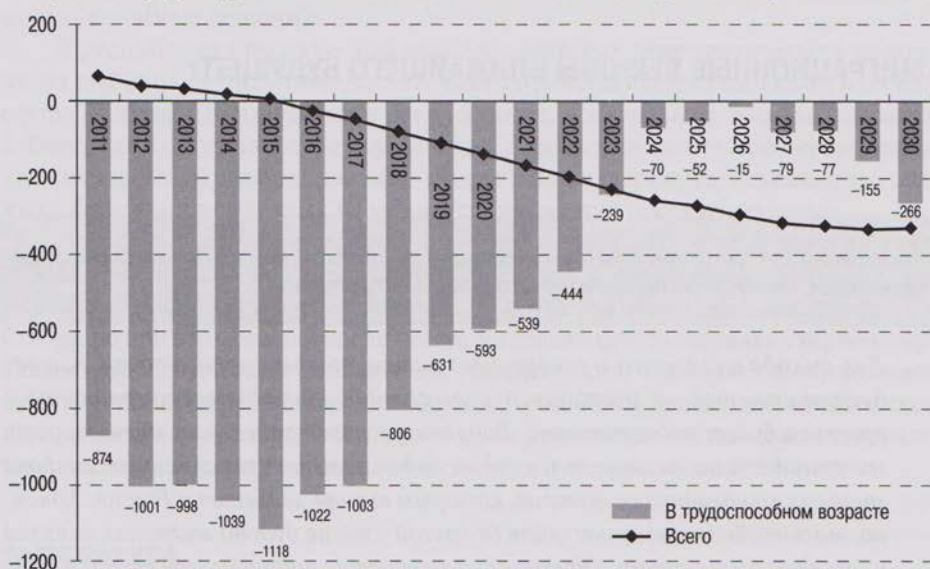
Для выхода из кризиса и следующего витка экономического роста потребуются масштабная миграция, причем сегодняшних объемов миграционного притока будет недостаточно. Вопреки распространенному мнению, рост миграции вполне возможен и вряд ли будет чем-то чрезвычайным на фоне мировых принимающих центров, которым теперь является и Россия. Конечно, масштабная инокультурная (а другой уже не будет) миграция связана с серьезными вызовами. Однако вряд ли удастся найти другой выход, кроме как научиться на них отвечать. Если правительство не решится на либерализацию миграционного режима, Россию ждет новый перегрев рынка труда и рост нелегальной миграции.

Споры о том, нужны ли России мигранты, остались в прошлом. Признание необходимости миграции является одним из итогов десятилетия экономического роста, и сегодня, несмотря на кризис, оно стало частью официальной риторики на эту тему. Этому способствует ожидание нового периода роста и демографическая ситуация в стране. Убыль населения в трудоспособном возрасте, по последнему прогнозу Росстата (средний вариант), в среднем за 2011–2015 гг. составит более 1 млн человек в год (рис. 1).

Хотя существуют и другие способы компенсировать убывание трудовых ресурсов (увеличение пенсионного возраста, повышение производительности труда, активизация внутренней мобильности), иммиграция остается наиболее дешевым и быстрым решением. Сегодня эксперты и политики, признавая необходимость миграции, спорят о том, сколько и каких мигрантов нужно привлечь в Россию, чтобы это оптимально отвечало поставленным задачам и интересам страны.

Из нижеприведенных данных (табл. 1, рис. 2) следует, что уже через два-три года сегодняшних масштабов миграционного притока, по крайней мере официального, будет недостаточно для покрытия убыли как всего населения, так и его трудоспособной части. Естественная убыль населения в 2009 г. составила 248,9 тыс. человек, а миграционный прирост — 259,4 тыс. человек, таким образом, естественные потери полностью замещены. Однако положительный прирост населения продлится еще максимум несколько лет. Средний вариант прогноза Росстата дает сокращение населения до 139,4 млн к 2030 г. А заложенный в этот вариант прогноза миграционный прирост (в среднем 348,3 тыс. человек в год) еще надо реализовать.

Рисунок 1. Прирост/убыль численности населения России до 2030 г., тыс. человек



Источник: здесь и далее, если не указано иное, рассчитано по среднему варианту прогноза численности населения Росстата.

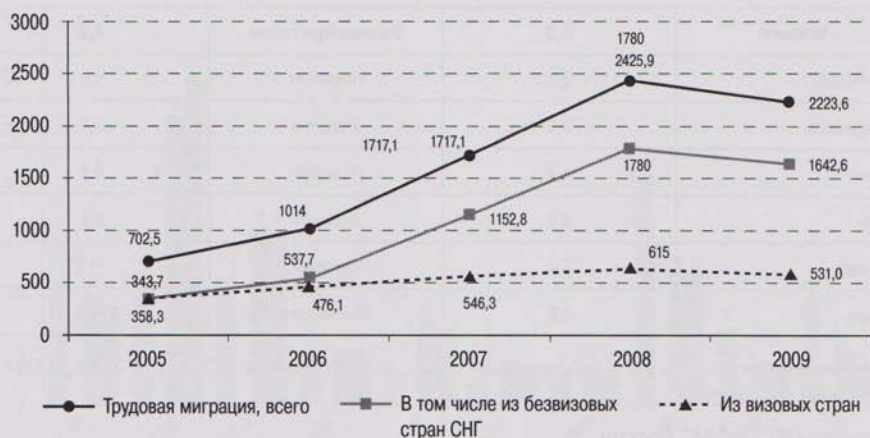
Таблица 1. Компоненты прогноза численности населения до 2030 г., тыс. человек

Годы	Общий прирост населения	Естественная убыль населения	Миграционный прирост
2011	66,9	-205,0	271,9
2016	7,7	-309,0	316,7
2020	-137,3	-489,0	351,7
2025	-272,8	-652,6	379,8
2030	-330,0	-724,6	394,6

В перспективе до 2030 г. естественная убыль населения будет постоянно возрастать и, согласно среднему варианту прогноза Росстата, за 2011–2020 гг. составит 3,4 млн человек. Население в трудоспособном возрасте уменьшится за это десятилетие более чем на 9 млн. Таким образом, чтобы компенсировать естественные потери, масштабы приема постоянных мигрантов в течение ближайшего десятилетия должны достигать в среднем 340 тыс. человек в год. А масштабы приема временных трудовых мигрантов, если рассчитывать только на этот ресурс покрытия убыли трудового потенциала, должны ежегодно нарастать более чем на 900 тыс. человек в год¹, т.е. к концу периода увеличиться более чем в 5 раз по сравнению с сегодняшним уровнем. Конечно, это оценочные данные. В реальности

¹ Если предположить, что разрешение на работу выдается на 1 год и все мигранты по истечении этого срока выезжают из страны.

Рисунок 2. Численность иностранных работников в России, получивших временное разрешение на работу, тыс. человек



Источник: ФМС России.

такой рост временной трудовой миграции вряд ли произойдет. Однако надо быть готовыми к тому, что даже если будут использованы иные ресурсы восполнения трудового потенциала, без увеличения миграции вряд ли удастся обойтись.

Относительные данные показывают, что такой рост вполне возможен и не будет чем-то чрезвычайным на фоне других принимающих стран. Если, согласно официальным данным, доля иностранных работников в 2009 г. составляла 3,1% от общей численности занятых в России, то реальная доля, учитывая нерегулируемую или нелегальную составляющую миграции, которая оценивается в 5–6 млн [Население России—2007..., 2009], составляет 7–9%. Этот показатель близок к соответствующей пропорции во многих принимающих странах Европы, таких как Италия, Великобритания или Германия (табл. 2).

Объективная экономическая необходимость увеличения миграции является серьезным вызовом для политики ближайшего будущего, причем этот вызов сохраняется при различных вариантах развития событий. Во-первых, весьма велика вероятность того, что задача сколько-нибудь значительного увеличения легальной миграции не будет решена в ближайшие годы. Для этого в настоящее время нет политической воли, и появление ее пока не предвидится, поскольку политики ориентируются на позицию избирателя, а большинство населения не поддерживает промиграционную политику². При возрастающей потребности в работниках это повлечет за собой перегрев рынка труда, рост нерегулируемой миграции и теневой занятости мигрантов, что крайне негативно отразится на экономике и социальной сфере, а также спровоцирует новый виток антимигрантских настроений.

Во-вторых, если правительство все же поддержит курс на рост миграции и обеспечит достаточное расширение официальных каналов постоянной и

² По данным мониторинга Левада-Центра, в ноябре 2009 г. 51% россиян выступали за политику, ограничивающую приток мигрантов в Россию. Источник: <http://www.polit.ru/research/2009/12/07/immigration.html>

Таблица 2. Доля иностранных работников в общей численности занятых в принимающих странах, в %

Япония	0,3	Великобритания	7,2
Финляндия	2,4	Норвегия	8,6
Нидерланды	3,6	Испания	9,0
Дания	4,4	Германия	9,4
Чехия	4,6	Бельгия	9,5
Франция	5,4	Австрия	13,1
Италия	6,6	Швейцария	21,3

Примечание: для России доля иностранных работников составляет: в 2007 г. — 2,4%, 2008 г. — 3,3%, 2009 г. — 3,1%.

Источник: OECD, ФМС России.

временной миграции, это вызовет обострение ряда проблем, проявившихся в последние годы. Это в первую очередь проблема роста инокультурной миграции и увеличения культурной дистанции между мигрантами и местным населением. Именно на этом культурном основании зиждется так называемая «новая» ксенофобия по отношению к выходцам из стран Центральной Азии, в отличие, например, от «старой» ксенофобии в отношении лиц кавказской национальности и евреев, замешанной на деньгах, неравенстве и коррупционных связях.

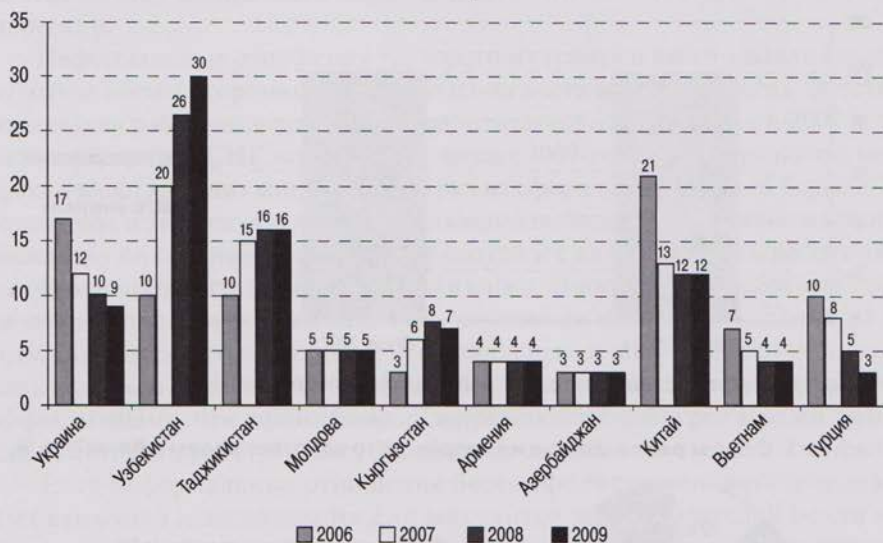
Анализ структуры трудовой миграции в Россию по странам исхода говорит о росте миграции из стран Азии: если в середине 2000-х гг. совокупная доля трех стран Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана) составляла около 1/3, то к 2010 г. она превысила половину всего трудового потока (рис. 3).

Мигранты из стран СНГ все хуже знают русский язык. По данным выборочных опросов мигрантов³, примерно 15–20% трудовых мигрантов, работающих в России, практически не знают русский и общаются исключительно на своем языке, что, естественно, затрудняет интеграцию.

Указанные сдвиги в структуре миграции требуют изменения приоритетов миграционной политики. На первый план выходит политика интеграции мигрантов, которая в России только начинает формироваться. Справедливо подчеркивается, что интеграция — это процесс двусторонний [Миграция без милиции, 2010]: изменяются не только мигранты, адаптируя свою культуру и свое поведение к нормам принимающего общества, но и само общество, которое уже никогда не будет прежним. В определенном смысле это, если не потеря культуры, то ее существенная модификация. Готов ли индустриально развитый мир к таким метаморфозам? Вряд ли

³ В статье используются данные выборочного опроса трудовых мигрантов из стран СНГ, работающих в России, проведенного Центром миграционных исследований в 2008 и 2009 гг. в шести регионах России (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Воронежская и Астраханская области, Татарстан). Объем выборки — 1575 респондентов.

Рисунок 3. Доля основных стран исхода мигрантов в структуре трудовой миграции в Россию, в %



Источник: ФМС России, 2006–2009.

удастся получить много положительных ответов на этот глобальный вопрос? Мир пока не нашел приемлемого решения этой проблемы. Возможно, что его не существует [Гуриев, 2010]. Однако поиски приемлемой модели интеграции в мире идут, и Россия должна в ближайшее время к ним присоединиться.

Не следует думать, что жесткие меры по ограничению инокультурной миграции могут решить проблему. Уже давно доказано, что жесткие ограничения и запреты вообще не являются приемлемым решением. Особенно верно это для России, где в условиях безвизового въезда все запреты приводили лишь к росту числа нелегальных или теневых мигрантов, наименее адаптивных и наименее стремящихся к интеграции. Наоборот, эффект снятия запретов, как показал опыт российской миграционной реформы 2007 г., очень значителен (рис. 4).

В результате миграционной реформы 2007 г. доля регулируемой составляющей миграции выросла в 3–4 раза и выше. И хотя в период кризиса управленцы благополучно вернули многие дореформенные ограничения, реформа все же показала эффективность более либерального подхода к миграционной политике по сравнению с политикой запретов и ограничений.

Но хотя нелегальная миграция снизилась, она остается недопустимо большой, превышая регулируемую составляющую в 2,5–3 раза. Основными факторами роста нелегальной миграции являются запреты миграционного законодательства и теневая экономика, которая притягивает неквалифицированных иностранных работников, создавая анклавы низкооплачиваемого, так называемого 3D-труда (Dirty, Dangerous, Demeaning) и мигрантские ниши занятости (рис. 5).

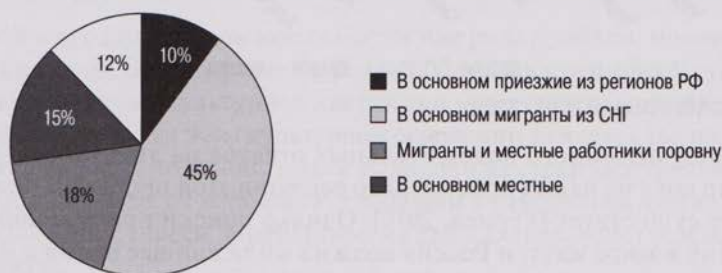
Процесс формирования таких ниш только начался и еще не так заметен на национальном уровне. Но в крупных городах, особенно в Москве, приграничных регионах и на некоторых других территориях эти ниши уже при-

Рисунок 4. Экспертная оценка соотношения регулируемой и нерегулируемой частей трудовой миграции до и после реформы 2007 г., в %



Источник: экспертная оценка Центра миграционных исследований.

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Кто работает рядом с Вами?», в %



Источник: выборочный опрос мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

обрели заметные очертания. Как правило, они представлены не на уровне отрасли (кроме, строительной), а на уровне отдельных занятий и видов работ, например, в Москве это уборка улиц и помещений, дорожные работы, водители общественного транспорта, агенты по продажам (недвижимости и пр.), продажа и обработка овощей и т.д. Со временем эти ниши будут углубляться и расширяться.

Примерно 2/3 трудовых мигрантов работают в теневых условиях. По данным выборочных опросов трудовых мигрантов, проведенных Центром миграционных исследований, немногим более 50% мигрантов имели разрешение на работу, т.е. работали легально, и только чуть более 1/3 получали «белую» зарплату (по ведомости с личной подписью или на карточку).

Теневая экономика — это не миграционный, а общий или системный вызов дальнейшему развитию России. В теневом пространстве не работают те нормы и законы, которые должны работать в нормальной экономике. В приложении к миграции это, например, давно доказанные российскими и зарубежными учеными тезисы, что миграция практически не оказывает понижающего влияния на уровень зарплат и занятость среди местных работников, что мигранты скорее создают, чем отбирают рабочие места у местных работников, что невысокая зарплата мигрантов создает благоприятные условия для развития бизнеса и сдерживает рост цен на товары и услуги [Доклад о развитии человека..., 2009; Dustmann, Frattini, Preston, 2008].

В теневом секторе все это, может быть, и не так. Соответственно ответом на этот вызов должны быть меры общеэкономической, а не миграционной политики.

Неформальные отношения трудового мигранта и работодателя сегодня выгодны обеим сторонам не только из-за экономии на налогах. Жесткая «привязка» работника-мигранта к работодателю, отмененная в 2007 г. для выходцев из стран СНГ, но введенная вновь с 2009-го как антикризисная мера, практически выводит мигрантский труд из сферы конкурентной борьбы. Работодатель в этом случае не может свободно выбирать работников на рынке, поскольку он ограничен заявленной квотой и с каждым новым работником вынужден проходить процедуру легализации. Иностранному работнику также не может поменять работодателя без получения нового разрешения на работу. Создается ситуация, когда неформальные отношения, основанные на конкурентном выборе работника и работодателя, становятся гораздо более эффективными, чем официальные, запрещающие конкуренцию мигрантов как с местными работниками, так и между собой.

Если неформальные отношения более эффективны, институциональных стимулов к легализации для мигрантов и работодателей почти нет. Практически отсутствуют и экономические стимулы. По данным опросов, зарплата мигрантов, работающих нелегально (не имеющих разрешения на работу), всего на 5% ниже, чем тех, кто работает легально, что почти полностью нивелируется различиями в отраслевой и квалификационной структуре. Условия труда тоже почти одинаковые. Конечно, теневые отношения повышают риски для обеих сторон, однако легализация и выход из тени при нынешнем положении вещей не гарантируют соблюдение прав ни мигранту, ни работодателю.

Деньги, заработанные легальными и нелегальными мигрантами практически одинаково распределяются между российской экономикой и экономикой страны происхождения, как правило, в пользу первой. До кризиса средний мигрант отправлял на родину \$220, а тратил в России \$450, а в период кризиса — соответственно \$200 и \$315 (табл. 3).

Доходы мигрантов в кризис снизились в среднем на 150 долл., или на 22%, если считать в долларах, и на 6%, если считать в рублях. Если до кризиса среднему мигранту на проживание в России после оплаты жилья и пересылки денег на родину оставалось чуть менее \$300, то в середине 2009 г. — уже только \$200.

Бросается в глаза не очень сильный разрыв между зарплатой мигрантов и средней зарплатой работников в России. Однако необходимо учитывать, что рабочая неделя мигрантов за эти деньги составляет в среднем 60 ч, т.е. в 1,5–2 раза больше, чем у российских работников. Почасовая зарплата мигранта в среднем на 42% ниже, чем у российского работника (табл. 4).

Это, конечно, очень грубые оценки, поскольку на уровень зарплаты влияет отраслевая и квалификационная структуры занятости, которые различны у российских работников и у мигрантов.

Серьезный вызов, который опять же носит системный характер, — это коррупция, пронизавшая все отношения в сфере миграции, начиная с заявок работодателей на квоту и заканчивая проверками документов на улице. Криминальный рынок фальшивых документов позволяет мигранту в любой

Таблица 3. Доходы и основные расходы мигрантов из стран СНГ, работающих в России

Показатель	Период	Денежный эквивалент
Зарплата мигрантов в среднем в месяц	сентябрь 2008 г.	16 970 руб. = \$670*
	июнь 2009 г.	15 980 руб. = \$515**
Плата за жилье в среднем в месяц	октябрь 2008 г.	3995 руб. = \$160
	июнь 2009 г.	3470 руб. = \$112
Трансферты на родину в среднем в месяц (более 70% мигрантов отправляют деньги)	октябрь 2008 г.	\$220
	июнь 2009 г.	\$200

Примечания: * — при средней зарплате по России \$702, ** — при средней зарплате по России \$620.

Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

Таблица 4. Разница в почасовой оплате труда между мигрантами и российскими работниками

Показатель	Мигранты	Российские работники
Среднемесячная заработная плата в расчете на одного работника, руб.	16 970	17 290
Среднее количество отработанных часов в расчете на одного работника в месяц	240	141,4
Среднечасовая заработная плата в расчете на одного работника, руб.	70,7	122,3

Источник: для мигрантов — выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, сентябрь 2008; для российских работников — данные Росстата.

момент купить новую миграционную карту или регистрацию. Надо сказать, что само наличие этих документов мало что дает мигранту, кроме оправдательной бумажки на случай милицейской проверки.

Характерная черта сегодняшней миграции — широкое развитие неформальных социальных сетей. Почти все свои социальные транзакции, от устройства на работу и поиска жилья до организации лечения или родов⁴, мигранты осуществляют с помощью таких сетей. Использование ресурса таких сетей позволяет мигрантам компенсировать недостаток официальной социальной и иной инфраструктуры либо ограниченность доступа к ней. Чаще всего такие сети действуют достаточно эффективно, однако риски при обращении к ним все же довольно высоки. Например, поиск работы через такие сети, как правило, приводит мигранта на неформальный рынок труда.

⁴ Отношение к мигрантам как к дешевой рабочей силе и гендерные штампы породили стереотипный образ мигранта как здорового молодого мужчины, согласного на тяжелый труд за небольшие деньги. В то же время, согласно официальной статистике, 15% трудовых мигрантов — женщины (данные ФМС России), а эксперты оценивают долю женщин среди трудовых мигрантов в среднем в 25–30%. Источник: Оценка нужд и потребностей женщин — трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия. — ЮНИФЕМ. МОТ, 2009. С. 23.

Ограниченный доступ мигрантов к официальным сервисам, например, к банковским кредитам, порождает теневой рынок этих услуг, зачастую приводящий к криминальным долгovým схемам типа средневековой долговой кабалы.

Неформальные мигрантские сети снижают возможности управления миграцией. Даже в случае появления новых ограничений в официальной политике, миграция через сети будет продолжаться.

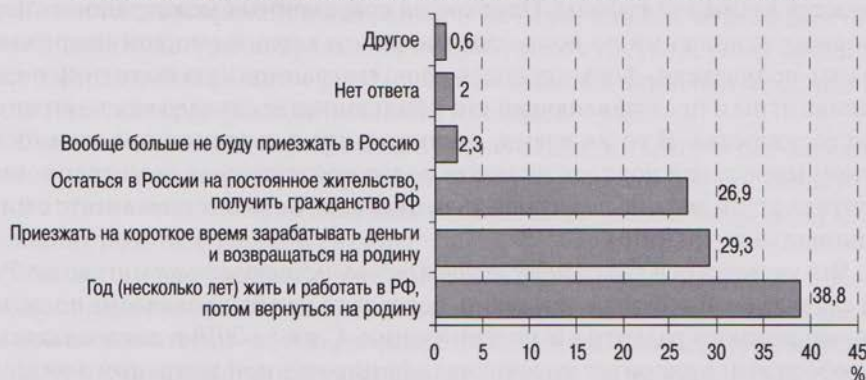
Основным направлением сегодняшней российской иммиграционной политики являются селективный подход и дифференциация миграционных режимов для различных категорий мигрантов. Обсуждается несколько основных осей расстановки приоритетов, таких как *постоянная/временная миграция* или *квалифицированная/неквалифицированная*.

С начала 1990-х гг. в России сложилось отношение к миграции как к временному проекту, а к мигрантам (сначала к беженцам, а потом и к трудовым мигрантам), соответственно, как к временным жителям страны. Сегодня очевидно, что Россия стала принимающей страной прочно и надолго, и временной миграцией дело не ограничивается. Значительная часть мигрантов, которых мы считаем временными гастарбайтерами, на самом деле уже многие годы живут и работают в России. Многие перевезли сюда семьи или создали их уже здесь, выезжают на родину лишь в отпуск или в гости, рассматривают Россию как страну постоянного проживания и с радостью получили бы статус резидента или российское гражданство. Такие мигранты составляют примерно 1/4 всего потока (рис. 6).

В России пока нет программ постоянной миграции для отдельных контингентов мигрантов, в том числе и для тех, для кого миграция началась как временная, но постепенно приобрела постоянный характер. Учитывая демографическую ситуацию, такие программы с прозрачными правилами отбора и приема мигрантов необходимы.

Большинство мигрантов все же придерживается временных стратегий миграции, включая краткосрочные (проектные, сезонные и т.д.) и долгосрочные (на 9–12 месяцев и более) перемещения, которые в основном носят циркулярный характер. По данным выборочных опросов трудовых мигрантов

Рисунок 6. Планы трудовых мигрантов, работающих в России, в %



Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009 гг.

Таблица 5. Продолжительность миграции: стратегии трудовых мигрантов, в %

Варианты ответов респондентов	Доля ответов
Приезжаю на короткий срок, немного зарабатываю и уезжаю	5
Приезжаю на определенную работу, когда она заканчивается, уезжаю	11
Приезжаю работать на сезон (до 6 месяцев)	14
Большую часть года провожу в России, домой уезжаю на 1–3 месяца	40
Практически постоянно живу в России, на родину почти не езжу	25
Нет ответа	5

Источник: выборочные опросы мигрантов Центра миграционных исследований, 2008–2009.

большинство респондентов (40%) придерживается тактики долгосрочных (на 9–12 месяцев) циркулярных поездок на заработки. Тактики краткосрочных поездок и выездов на конкретную работу (проектные поездки) придерживается менее 1/3 респондентов (табл. 5).

Выбирая стратегию циркулярных поездок на заработки в Россию, мигранты извлекают специфическую ренту из своего трансграничного положения, используя то, что разница в зарплате между страной происхождения и Россией в несколько раз выше, чем разница в ценах на товары и услуги. Зарабатывая деньги в России и тратя их в стране происхождения, они максимизируют свою выгоду от миграции.

Очевидно, что в ближайшей перспективе на территории России и стран СНГ будет сохраняться так называемое общее население, представленное трудовыми мигрантами, часть времени проводящими на работе в России, а остальную часть — в своей стране. Это серьезный вызов для стран — участниц этого процесса, поскольку им придется отлаживать гораздо более тесные и тонкие механизмы взаимодействия, которых сегодня не существует, чтобы обеспечивать правовое поле для этого общего населения, например, в части налогообложения, пенсионного обеспечения и т.д. Очевидно, что такое взаимодействие, в принципе, возможно на основе *win-win* модели, когда обе стороны, принимающая и посылающая, согласовывают свои решения и добиваются взаимной выгоды. Однако для современных межстрановых переговорных отношений по вопросам миграции характерно доминирование страны-получателя, формирующей свою миграционную политику и свои правила игры и представляющей это в большинстве случаев как внутреннее дело государства. В то же время, очевидно, что в современном взаимосвязанном мире такой порядок не может долго продолжаться — миграционная политика стран должна перешагнуть национальные амбиции и вместе с ними национальные границы.

Что касается оси *квалифицированная/неквалифицированная* миграция, Россия сделала свой выбор не так давно, после того как была заявлена политика инновационного развития и модернизации. С июля 2010 г. законодательно был обозначен приоритет высококвалифицированной миграции в виде облегченного режима приема таких мигрантов и нахождения их на территории России (прием вне квот, разрешение на работу выдается на длительный срок

с возможностью неограниченного продления, вид на жительство, в том числе для членов семьи и др.). Однако новый порядок охватывает довольно узкий круг специалистов топ-уровня из-за высокой «пропускной планки» по доходу (2 млн рублей годового дохода, подтвержденные трудовым договором). Вряд ли такие меры позволят России в скором времени включиться в глобальную конкуренцию за умы и таланты. Эта цель будет решена не только миграционными законами. Скорее можно было бы рассчитывать на то, что России удастся привлечь специалистов-профессионалов среднего звена из государств СНГ и стран Азии с высшим или средним профессиональным образованием и высокой (но не топ-уровневой) квалификацией, которые менее включены в глобальный рынок и поэтому чаще перемещаются в пределах региона. Ослабление миграционного режима для этой категории работников могло бы помочь привлечь их на российский рынок труда. Однако таких специалистов, в которых явно нуждается экономика страны, по действующему законодательству Россия принимает на тех же условиях, что и неквалифицированных работников. И, как это ни парадоксально, в России эти мигранты с профессиональным образованием часто заняты неквалифицированным трудом. В России средняя зарплата мигрантов из стран СНГ, имеющих среднее профессиональное образование, всего на 7% выше, чем у тех, кто имеет среднее общее образование.

В любом случае вряд ли России удастся привлечь столько и таких мигрантов, сколько ей нужно. Только подсчет потребности в труде и налаживание селективных схем приема мигрантов не дадут нужного количества квалифицированных иностранных кадров. И здесь вряд ли помогут организованные формы привлечения трудовых мигрантов, на которые возлагает надежды наш миграционно-политический истеблишмент. Помочь может налаженная система профессионального образования, включая пере- и подготовку, доступная и для местных граждан, и для мигрантов.

Сегодня России надо понять и принять тот факт, что масштабы миграции, которые мы имеем сегодня, будут недостаточны в ближайшей перспективе, и соответственно этому выстраивать свою политику.

Увеличение масштабов миграции и ее нарастающая отдаленность от российской культурной традиции потребуют от государства и общества действий, направленных на формирование национальной интеграционной концепции, которые раньше не стояли на повестке дня.

Сегодня основным барьером на пути легализации мигрантов являются ограничения миграционного режима и теневая занятость, поскольку она лишает мигрантов стимула получать необходимые разрешения, не нужные в условиях работы в теневом секторе.

Наконец, надо осознать, что миграция это не краткосрочный проект. Россия принимает миллионы мигрантов, которые неминуемо станут значительной по масштабам частью российского общества. Та институциональная среда, которая создается сегодня для мигрантов, не должна ограждать их стеной грубости и неуважения, а должна быть инструментом консолидации и включения мигрантов в общество.

ЛИТЕРАТУРА

Гуриев С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. С. 250.

Доклад о развитии человека—2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. — ПРООН, Изд-во «Весь мир», 2009. С. 84–85.

Миграция без милиции. Константин Ромодановский: Проблема не в том, что их много, а в том, что нас мало // Российская газета. Федеральный выпуск № 5298 (219). 2010 г. 29 сентября.

Население России—2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. редактор А.Г. Вишневский, ГУ-ВШЭ. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 226, 234.

Dustmann C., Frattini T., Preston I. The Effect of Immigration Along the Distribution of Wages. Discussion Paper No. 0803. — L.: Centre for Research and Analysis of Migration, 2008.